

последняя попытка рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс, потрясавшее Восточную, захлестнувшее и сокрушившее Западную Римскую империю.

В буржуазной историографии господствует традиция всячески идеализировать и восхвалять правление императора Юстиниана. Политический смысл этой идеализации совершенно ясен: это — стремление возвеличить Юстиниана как защитника крепкой монархической власти и христианской религии, хранителя „прочных“ устоев римского рабовладельческого государства. Для историка-марксиста Юстиниан, этот „прославленный“ восстановитель былого могущества Римской империи, прежде всего — душитель революции угнетенных масс, потопивший в море крови восстания константинопольского плебса, жестоко подавлявший все и всяческие проявления революционного движения в Византии, властитель, претендовавший сыграть роль душителя революции рабов и колоннов в Западной Римской империи. Войны Юстиниана в Северной Африке, Италии и Испании представляют собой попытку реставрации рухнувшего на Западе рабовладельческого строя, прямое вмешательство в дела западных варварских государств, вызванную не столько происками эмиграции, сколько в первую очередь страхом перед совершившейся на Западе революцией. Точно так же и вся внутренняя политика этого императора, его „прославленное“ законодательство преследовали одну цель: укрепить распадавшийся под ударами революции рабовладельческий строй и подавить эту революцию. Недаром автор анонимного трактата о военном деле конца VI в. писал, что „законодательство в Римской империи преследует одну цель — предотвращение восстаний“ (στάσις).⁸ Замечательным памятником этого мрачного царствования является „Тайная история“ Прокопия, рисующая потрясающую картину бедствий народных масс.

Однако наступление рабовладельческой контрреволюции в VI в. вызывает упорное и ожесточенное сопротивление угнетенных масс. Население завоеванных Юстинианом областей с ненавистью встречает византийские войска, несущие с собой реставрацию рабовладельческих порядков. В Италии под знаменем Тотилы против интервентов, вместе с готами, сражались рабы и колонны. Весь ход исторического развития вел к неминуемой гибели рабовладельческого способа производства под ударами революции рабов и колоннов, и поэтому завоевания Юстиниана, столь прославленные буржуазными историками, на деле не могли быть не чем иным, как лишь временной победой рабовладельческой реакции, хартией которой была Прагматическая санкция 554 г.

Несмотря на внешний «блеск» завоеваний, рабовладельческая реакция лишь истощила силы Восточной Римской империи, ослабила ее обороноспособность, окончательно разорила население непосильными поборами. Ведь даже период наивысшего напряжения, наибольших „успехов“ рабовладельческой реакции — период правления Юстиниана — отмечен почти непрерывными восстаниями. Кто бы ни руководил этими восстаниями, какие бы приводящие цели они себе ни ставили, они могли быть массовыми, могли увлекать за собой народные массы лишь в том случае, если эти массы видели в восстаниях выход из того невыносимого положения, в которое ставила народ рабовладельческая система эксплуатации. А при преемниках Юстиниана количество восстаний, их напряженность, размах непрерывно растут. Они вспыхивают во всех концах государства. Рабовладельческая империя теряет свои приобретения на Западе и свои

⁸ Цит. по книге Н. В. Пигулевой „Византия и Иран из рубеже VI—VII вв.“ М. — Л., 1946, стр. 116.